

«После 2 марта Романовы стали не нужны»

Глава «Отречение или смиренномудрие?» из новой книги известного историка Константина Капкова «Духовный мир Императора Николая II и его Семьи» переносит нас на 100 лет назад, к событию первых дней марта 1917 года, вокруг которого до сих пор не смолкают споры. [Читайте начало главы](#)

Уже 3 марта в некоторых спецвыпусках газет восторженно преподносилась весть об отречении Царя. 4 марта все газеты Империи опубликовали текст манифеста об отречении Императора Николая II и отказ Великого князя Михаила Александровича от принятия Престола вплоть до решения Учредительного собрания о форме государственного устройства России. Высшее городское общество, духовное сословие приняли известие с радостью. Массы людей ликовали именно в марте, а не в октябре 1917 года (как учили в школе). Это легко увидеть: достаточно взглянуть в *любые* газеты того времени. Тяжело молчало крестьянство и армия. Но тон общественной жизни задавали не они.

Уже с 3 марта до соответствующего распоряжения Святейшего Синода во многих церквях Императорская Фамилия перестала поминаться за богослужением. 5 марта на воскресной литургии в Ставке в присутствии Государя и Императрицы-матери Царь, Наследник, династия также не поминались за богослужением (которое, вероятно, вел протопресвитер Георгий Шавельский). Из богомольцев никто не возражал.

Чтобы увидеть, насколько к 1917 году изменилось сознание некогда верноподданных, вспомним торжества прославления святого Серафима Саровского в 1903 году. Тогда в день причастия Государя, 18 июля, литургию вел архимандрит Андрей (князь Ухтомский), а подносил Государю запивку и просфору отец Философ Николаевич Орнатский, настоятель Казанского собора Санкт-Петербурга [[Бошановский Василий, прот. Саровские торжества. Прославление мощей преподобного Серафима Саровского // Четвертый удел Богородицы. Б.г. Ссылка дается по изд.: Саровские торжества 1903 года в фотографиях, документах, воспоминаниях. Дивеево, 2003. С. 118.]]. Архимандрит Андрей (Ухтомский) рассуждал: «Власть Царская — тяжкое бремя для Царя, но облегчение жизненного бремени для всего русского народа. Царь несет это бремя, а его народ свободен от этого бремени, спокоен за себя, снявши с себя всякое искушение власти, “спасается” — заботится только о душе своей. Поэтому Царь в глазах народа — это воплощение всего лучшего, это символ смиренного служения Богу и служения людям, символ любви; любовь к Царю своему и Помазаннику Божию — это чувство совершенно неотъемлемое, неизгладимое из русского сердца.

Жизнь без постоянного представления о Царе — прямо невысказана для русского человека; он не может себе представить ничего выше душевного спасения, а жить без постоянной памяти о своем Царе — значит заботиться не о спасении, а о себе и о всей своей жизни; он тогда совершенно растеряется, “да как же, — скажет, — я теперь жить буду, где моя опора?” Вот это в Сарове чувствовалось до полной осязательности во время всех торжеств. Вся любовь к Царю, все беззаветное преклонение пред бременем и служением Царским, одним словом, вся русская душа в Сарове высказалась в полной мере. Русь Православная — это нераздельно Царь и народ;

и душа народная, душа народа русского невысказана без смирения и без любви к Богу и Царю. Совершенно невысказана! — Душа, не думающая о спасении, и душа гордая — это явление не русское...» [[Андрей (Ухтомский), архим. Царь и народ. Казань, 1903. Цит. по изд.: Саровские торжества 1903 года в фотографиях, документах, воспоминаниях. Дивеево, 2003. С. 97; Деятели. 1903. № 10.]]

Отречение. 2 марта 1917 года

В 1917 году 12 марта Андрей (Ухтомский), тогда уже епископ Уфимский и Мензелинский, в Казанском соборе Петрограда, где настоятельством тот же, что был в Сарове, протоиерей Философ Орнатский, проповедовал: «Кончилась тяжкая, грешная эпоха в жизни нашего народа. <...> Наступили дни чистой народной жизни, свободного народного труда; зажглась яркая звезда русского народного счастья. <...> Самодержец погиб и погиб безвозвратно»[[Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 7/8. С. 193-195; Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. № 21. С. 483-485. Цит. по изд.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост. М. А. Бабкин. Изд. 2-е испр. и доп. М., 2008. С. 80.]]

Еще до отречения Государя, не позднее 14 февраля 1917 года, епископ Андрей (Ухтомский) писал Михаилу Родзянко: «Не могу удержаться, чтобы не выразить вам пожелания полной победы над лукавыми властолюбцами».[[Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 3. С. 3. Цит. по изд.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост. М. А. Бабкин. Изд. 2-е испр. и доп. М., 2008. С. 86.]] Какая слепота. Ведь Родзянко и был первым «лукавым властолюбцем»!

Не забыл владыка похвалить и благословить других предателей Царя, как он выразился, «необыкновенного человека»[[Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1917. № 16231. С. 4.

Цит. по изд.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост. М. А. Бабкин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. С. 479.] Александра Керенского и генерала Николая Рузского. Епископ Андрей вещал с амвона: «Самодержавие пало, и пало безвозвратно. Царя в России больше нет. <...> Солдаты и народ! Прошу вас верить доблестному генералу Рузскому, он русский человек, родине не изменит».[[Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1917. № 16133. С. 1. Цит. по изд.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост. М. А. Бабкин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. С. 476.]]

Уже через год был изрублен на куски генерал Рузский и расстрелян отец Философ Орнатский, а владыка Андрей (Ухтомский) еще много лет скитался по тюрьмам и лагерям...[[Можно заметить, что архиепископ Андрей (Ухтомский) был канонизирован Русской Православной Церковью за рубежом в 1981 году. Протоиерей Философ Орнатский канонизирован Русской Православной Церковью в 2000 году.]]

На нашем экскурсе видна *типичная* ситуация перемены и радикализации сознания не самых худших деятелей к 1917 году.

На верхнем фото: солдаты, вышедшие на демонстрацию в первые дни февральской революции. Литейный проспект Петрограда. На заднем плане видна вывеска ювелирного магазина «Часы. Золото и серебро». Что написано на флаге, прочесть невозможно. На илл. снизу: появившийся в том же году вариант этой же фотографии, но вместо вывески ювелирного магазина плакат: «В борьбе обрешь ты право свое», а флаг стал белым, и на нем четко видна надпись: «Долой монархию! Да здравствует республика!». Как видим, фальсификация истории февральских событий началась уже в 1917 году

Духовная слепота поразила русский народ, как чума. Очень многие перестали понимать Государя, даже члены Императорской Фамилии. К февралю 1917 года Императорская чета практически не общалась ни с кем из своих родственников, поддерживая только официальные отношения. Член Государственной думы Василий Алексеевич Маклаков вспоминал, что после убийства Распутина, ставшего предтечей падения Династии, «больше всех ликовала родовая аристократия, в том числе почти все члены императорской фамилии. <...> Как это ни парадоксально, именно в тех слоях общества, которые должны были бы Ахеронта[[Ахеронт или Ахерон — в греческой мифологии название реки, через которую души мертвых безвозвратно попадали в подземное царство Аида.]] особенно опасаться, убийство вызвало наибольшие надежды и *ликование*»[[Адамович Г. В. Василий Алексеевич Маклаков. Париж, 1959. Цит. по изд.: Религия и Церковь в Сибири: Сб. науч. ст. и документальных материалов. Вып. 11. Тюмень, 1998. С. 60-63.]].

После низложения Императора Великий князь Николай Николаевич, замененный Государем на посту Главнокомандующего, радостно вернулся в Ставку с надеждой на старый пост... И вновь поразительная слепота. После 2 марта не прошло и недели, как *все* Романовы стали не нужны...

Один из очевидцев переворота, будущий архимандрит Константин (Зайцев), отмечал, что «Россия восприняла это отталкивающее бесчинство в *ликовании* праздничном, как весну, как освобождение от злой неволи, как зарю новой светлой жизни! И это вся Россия в целом, весь русский народ во всех общественных группах!»[[Константин (Зайцев), архимандрит. Чудо Русской истории, 2002. С. 266. Цит. по изд.: Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX века — 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011. С. 606.]].

Что здесь мог сделать Государь? Каждый знает, что иногда наступает такая грань, когда доказывать что-то оппоненту, пусть самому близкому и родному, при явной своей правоте, все же становится бесполезно. Действовать же силой через армию, усмиряя свой народ войсками, провоцировать возможную гражданскую войну Царь не захотел.

Точную оценку мартовской ситуации дал в эмиграции протопресвитер Михаил Польской: «Единственным человеком, у которого не помутилось в дни революции национальное сознание, был Государь. Его духовное здоровье не было задето моментом. Он продолжал смотреть на вещи просто и трезво. Он отрекся после того, как все ему изменили. Он остался в России и мученически невинно за нее погиб, его преемники у власти сами изменили всем и дезертировали, сами бежали, спасая свою жизнь. Они нарушили присягу и предали своего Царя и с ним свою родину, хотя должны были сделать все, не жалея живота, победить или умереть, как это делают простые солдаты на полях сражения. Но среди своих высших военачальников-сотрудников только один Император положил жизнь свою за Россию. Сотрудники же его, восстав на него и подрубив ветвь, на которой сидели, или погибли от рук бунтарей, с которыми вошли в союз, получив должное, или постыдно бежали»[[Польской М., протопр. Новые мученики Российские. В 2 т. Джорданвилль, 1949-1957. 2-е репр. изд. М., 1994. Т. 1. С. 260.]].

Фактически отрекся не Царь, а народ, Государь лишь констатировал этот факт. По такому же принципу канонизируются святые или возглашается анафема. Подвижник становится святым до канонизации, а еретик таковым до провозглашения анафемы. Церковь в лице Святейшего Синода или Патриарха лишь констатирует эти факты, в частности, закрепляя их юридически в рамках профанного времени. Собственно, это мало касается самого святого или богоотступника и имеет значение, прежде всего, для массы верующих как ориентир для спасения души или опасности на этом пути.

Николай II вскоре после отречения. Март 1917

Далее, для более глубокого ответа на вопрос: «Что случилось?», попробуем до некоторой степени «окунуться» в мировосприятие Царя.

Еще при взрослении юный Наследник Николай Александрович постепенно понимал и принимал необходимость и обязанность Царского служения как свой крест, от которого нельзя было уйти или *отказаться*, служения уникального. Понимая, что он имеет практически неограниченную самодержавную власть от Бога, именно от Бога, а не от людей, Государь понимал и то, что и ответ ему придется держать одному. И ответ перед Богом. Этот огромный груз *личной* ответственности, принципиальную невозможность возложить бремя ответа на

других, Император Николай II хорошо чувствовал.

Отречение от Престола — это не сдача должности. Это отречение от самого себя. В духовном аспекте — это отречение от своего креста, что можно оценить как тяжкий грех. Ведь Господь Иисус Христос сказал: «Кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»[[Мф. Гл. 10. Ст. 38–39.]].

Государь это отлично понимал. Изучение документов позволяет нам сделать вывод: никакие угрозы трусливых думцев, требовавших отречения, не могли бы сломить Царя. Даже, полагаем, потенциальным шантажом жизнью его Семьи. Слишком разный был у них «удельный вес». Они пеклись о земном, а Царь о небесном, они думали, как делить власть и деньги, а он — как отвечать перед Богом. Изучив по возможности и силам жизнь последнего Императора, полагаем, что решение об отречении, если оно и было принято в той или иной форме, скорее *de facto*, чем *de jure*, не было политическим решением или только им, а основывалось на религиозных взглядах Царя.

Повторимся. Как показала последующая история, из всех политиков России к 1917 году самым трезвым взглядом обладал Император. Его оппоненты не понимали последствий своих действий, и объяснить им это было уже невозможно. Тогда во мраке предательства и «затуманенных мозгов» даже своего ближайшего окружения он увидел Божию волю.

В связи с этим нам кажется примечательной запись в дневнике Государя по поводу окончания Русско-японской войны. Она сделана 18 августа 1905 года: «Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключен и что это, вероятно, хорошо, потому что *так должно было быть!*» После принятия на себя Верховного главнокомандования в письме к Императрице 25 августа 1915 года Государь, в частности, отметил: «Слава Богу! <...> Я здесь [в Ставке — К. К.] с новой тяжелой ответственностью на своих плечах! *Но воля Господа должна быть исполнена.* Я чувствую такое спокойствие, какое испытываешь после Святого Причастия»[[Дневники Императора. Т. 2. Ч. 1. С. 53; Ч. 2. С. 189.]].

Император Николай II и командующие фронтами на заседании Ставки. 1916 год

Государь не сдался, а принял Божию волю, как приняли ее первые русские страстотерпцы князья Борис и Глеб. Возможно, ключ к пониманию действий Царя — это хриstopодражательный поступок князей Бориса и Глеба. Они добровольно, без сопротивления, дали себя убить, и наследство их власти принял другой — князь Святополк, по позднему прозвищу «Окаянный», то есть нераскаянный. С определенной точки зрения в их поступке нет ничего героического: князья не сражались, а умоляли о пощаде, их не пощадили и убили.

В житии святых говорится, что Глеб, завидев подосланных убийц, «воззрел на них скорбным взором, слезами лицо свое орошая, с сокрушенным сердцем, смиренным разумом и частым воздыханием, весь слезами обливаясь, а телом ослабевая, испустил жалостный голос свой: “Не обижайте меня, братья мои милые и дорогие! Не обижайте меня, ведь никакого зла я вам не причинил! Не трогайте, братья и господа, не трогайте! Какую обиду сотворил я вам и брату своему [Святополку], братья и господа мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему, а брату моему и господину. Пощадите юность мою, пощадите, господа мои! Вы мне будете господами, а я вашим рабом. Не пожните меня в жизни еще не созревшего, но млеко беззлобия налитого. Не срежьте лозу, еще не до конца выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и на вашу милость отдаюсь. Побойтесь сказавшего устами апостольскими: «Не будьте детьми умом, а на дело злое будьте как младенцы, умом же совершеннолетними будьте». Я же, братья, и беззлобием и возрастом еще младенец. Это не убийство, но сырорезание! [то есть живодерство — К. К.] Какое зло я сотворил, скажите мне, и тогда я не буду жаловаться. Если же крови моей насытиться хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя”. И ни единое слово не устыдило их, но словно звери свирепые схватили его. <...> И начал Глеб, преклонив колена, молиться так: “Прещедрый и премилостивый Господь! Слез моих не отвергай, но умилися на мое уныние. Узри сокрушение сердца моего: вот я убиваем, не знаю чего ради и за какую обиду не ведаю, Ты один ведаешь, Господи, Господи мой! Знаю слова Твои, сказанные апостолам: «За имя Мое, Меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете

родичами и друзьями, и брат брата передаст на смерть, и умертвят вас имени Моего ради». И еще: «В терпении вашем стяжаете души ваши». Узри, Господи, и суди: готова душа моя предстать перед Тобою, Господи»»[[Древнерусские княжеские жития / подготовка текстов, пер. и коммент. В. В. Кускова. М. 2001. С. 65, 66.]].

Вспомним, ведь не сопротивлялся и Христос. Когда Его пришли арестовывать, один из учеников Господа бросился на защиту и отсек ухо раба первосвященника: «Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место. <...> Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?»[[Мф. Гл. 26. Ст. 52-54.]].

Святые Борис и Глеб

Древняя Русь душой как-то прочувствовала этот тонкий момент связи князей-страстотерпцев со Христом. Жития и сказания о святых Борисе и Глебе пользовались устойчивой популярностью (сохранилось множество их списков)[[Подробнее см.: Федоров Г. П. Собр. соч. В 10 т. Т. 8. Святые Древней Руси. М., 2000. С. 16-27; Древнерусские княжеские жития / подготовка текстов, пер. и коммент. В. В. Кускова. М. 2001. С. 44-70, 91-131.]]. Церковь закрепила это почитание: Борис и Глеб стали *первыми* святыми, канонизированными Русской

Церковью. Россия XIX — начала XX века эту связь поступка князей со Христом, вероятно, уже бы не уловила.

Князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон, убийца Григория Распутина, в эмиграции писал о слабости Царя: «Весь жизненный путь Императора Николая II отмечен неумолимым роком. И не только на внешних событиях жизни и царствования Государя, но и на его душе как бы лежала печать обреченности. Могла ли у человека, смиренно покорившегося своей судьбе, развиться твердая воля и непреклонная решимость, не знающая колебаний и отступлений?»[[Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина. Воспоминания. Париж, 1927. Цит. по изд.: Григорий Распутин. Сб. исторических материалов. В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 213.]].

Ответим: могла. Более того, только так и могла: в православном мирозерцании, где нет юсуповского «судьба», а есть «Бог». Согласие с волей Божией о себе требует огромного усилия личной воли. Вера в Бога — акт воли. Она доступна, по сути, лишь сильным людям. В добровольном, искреннем подчинении себя воле Божией и состоит весь труд подвижника для стяжания славы — богоподобного состояния, в православной терминологии — обо'жения.

Итак, на наш взгляд, отречение Царя следует или, по крайней мере, можно рассматривать в аспекте православного духовно-мистического делания для спасения души.

2 марта и позднее в Ставке, еще имея возможность «выторговать» себе у временщиков весьма многое, Государь не попросил буквально ничего. Простился с армией и уехал в свой дом. Охрана Александровского дворца стояла напрасно, никто и не думал бежать (о желании Царя бежать нет ни малейших данных, в том числе со стороны Временного правительства и большевиков). Ничего Государь не просил и потом. Не требовал, не кричал, не высказывал обиды, не озлобился, не ответил ни на одно из тысяч прямых и косвенных оскорблений[[Чтобы перечислить примеры оскорблений Императорской четы, потребуется отдельная книга. Приведем один пример. В марте 1917 года член Государственной думы от фракции *правых* (позднее беспартийных) епископ Енисейский и Красноярский Никон (Бессонов) в речах неоднократно именовал свергнутого Императора Николая II «Иродом, упивавшимся вином», а Императрицу, мать пятерых детей, ни много и ни мало как «беснующейся Иродиадой». Его речи были опубликованы в епархиальной прессе. С «зарей свободы» многие «потеряли голову». Пример владыки Никона — пример крайности, но по-своему показательный. В июле 1917 года владыка снял с себя сан и монашество, обвинившись с бывшей ученицей подведомственного ему духовного заведения, скандал об отношениях с которой разгорелся еще до революции. После свадьбы жена бывшего владыки была убита. После этого в конце 1917 года бывший архиерей возглавил Министерство исповеданий Украинской Рады и подрабатывал в газетах театральным критиком. См.: Енисейская церковная нива. 1917. № 3. С. 20-22; Забайкальские епархиальные ведомости. 1917. № 9/10. С. 309-310. Цит. по изд.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост. М. А. Бабкин. Изд. 2-е испр. и доп. М., 2008. С. 292-293.]]. Выдержка его была фантастической (что отмечали многие, в том числе и враги Царя). Полагаем, что такое напряжение было невозможно без так называемого в православии «внутреннего делания», то есть культивирования мысли о смирении, принятии о себе воли Божией и молитвы о ниспослании сил на это испытание.

Во всех действиях Царя в предреволюционную эпоху и в дни изоляции, 28 февраля — 2 марта

1917 года, видна логика действий сильного, твердого и верующего человека, лишенного даже малейших намеков на какую-либо аффектацию или истерию. Уже на следующий день после отречения — 3 марта — в дневнике Государь отметил: «Спал долго и крепко», и 4 марта: «Спал хорошо»[[Дневники Императора. Т. 2. Ч. 2. С. 296.]].

Можно задать вопрос: а как же Царь оставил на произвол судьбы верных себе людей? Ведь были и такие. А что же служивые: полицейские, городовые и многие из бывшей царской администрации, уже в марте пострадавшие из-за отречения, и многие до смерти? Не подумал о них Царь?

Царь подумал — он был с ними, разделил их участь.

Конечно, позднее Государь жалел об отречении от Престола, боль о жертвах разрывала его сердце, что так или иначе отражено в его дневниках, письмах, свидетельствах общавшихся с ним лиц. Видя, что происходило с народом уже при Временном правительстве, а особенно при большевиках, трудно было этого не делать. И если бы знал, никогда не отрекся бы. Конечно, он предполагал другое развитие событий, как, собственно, и все остальные действующие лица в истории с отречением. Если бы участники заговора против Царя знали свою скорую печальную судьбу, то стали бы его первыми защитниками.

Видя вокруг себя полное непонимание своих действий, Государь решил послужить России в другой ипостаси, не Царя, а «мирянина-праведника». По меткому выражению святого Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся». Царь стяжал, и не спасаются ли вокруг него тысячи сейчас? Царская семья для многих и осталась Царской, во многом образцом для подражания, и с ней соизмеряет свою жизнь немало людей. И ныне Царь является вождем своего народа, его небесным заступником.

Об издании:

Капков К. Г. Духовный мир Императора Николая II и его Семьи. Ливадия; М.; с. Беянка Белгородской обл.; СПб.; Исикуль; м. Сольба Ярославской обл., 2017.

В книге известного историка Константина Геннадиевича Капкова впервые подробно рассмотрены различные аспекты религиозной жизни последней Царской семьи вплоть до ее мученической кончины, а также вопросы, связанные с отстранением Государя от Престола в марте 1917 года. Исследование построено на эпистолярных, мемуарных и архивных источниках, часть из которых публикуется впервые. Книга содержит большое количество иллюстраций, в том числе не изданных ранее.

Работа была поддержана представителями разных епархий и Елисаветинско-Сергиевским просветительским обществом. Идея создания книги зародилась в Ливадийской Крестовоздвиженской церкви — бывшем придворном храме Царского имения «Ливадия» — особом месте для всех почитающих святую Семью. В Крестовоздвиженской церкви этот труд получил благословение старца схиархимандрита Илия, духовника Патриарха Московского и всея Руси.

Издание выходит к 100-летию великомученического подвига Царственных Страстотерпцев в рамках исторического проекта «Летопись», организованного по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и продолжающего работу по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Вы можете оставить заявку на книги: «Духовный мир Императора Николая II и его Семьи», «Царский выбор. Вольная жертва» по отпускной цене издательства по адресу: kapkov2004@mail.ru или тел.: +7-964-563-22-56.

Источник: [Православие и Мир](#)